

ва – гэта перш за ўсё яе літаратурная разнавіднасць), і словы, якія маглі б быць запатрабаванымі ў камунікацыі, выкрэсліваюцца з яе.

Асаблівасці функцыянавання транзітыўных прыслоўяў на Беларусі – вынік беларуска-рускіх моўных кантактаў. Тыя ўнутраныя працэсы, што з’яўляюцца жывымі ў адной мове, могуць паскараць развіццё аналагічных феноменаў у іншай мове (аднак корпусныя дадзеныя паказваюць, што ўплыў беларускай мовы на рускую ў сферы дэйктычных прасторавых прыслоўяў не з’яўляецца моцным, прынамсі ў блогах). І наадварот, сацыяльныя фактары (нармалізатарская дзейнасць, накіраваная на адну мову), могуць пашыраць сферу дзеяння і на іншую мову.

Літаратура

1. Беликов, В. И. Статистические различия в региональном лексическом узусе / В. И. Беликов // Вопросы культуры речи. – Вып. X. – М.: АСТПресс, 2010. – С. 287–295.
2. Коношкевич, М. И. Экспликация транзитивной семантики в славянских языках / М. И. Коношкевич // Славянская историко-культурная и языковая ситуация. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – С. 230–238.
3. Маліноўскі, Л. Мова наша. Кудзю, сюдою, тудой / Л. Маліноўскі // Наша ніва [Электронны рэсурс]. – 2015. – 15 студз. – Рэжым доступу: <https://n1.by/?c=ar&i=142211>. – Дата доступу: 12.07.2018.
4. Мразек, Р. Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование) / Р. Мразек. – Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1964. – 285 s.
5. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. Т. I–II. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
6. Янкоўскі, Ф. М. Туды і тудую, сюды і сюдою / Ф. М. Янкоўскі // Само слова гаворыць : Філалагічныя эцюды, абразкі, артыкулы / Ф. М. Янкоўскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – С. 249–253.

Ольга Головачева

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КАТЕГОРИИ ‘СВОЙ – ЧУЖОЙ’ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Категория ‘Свой – Чужой’ выступает одной из значимых для любого этноса. Она находит свое выражение как в жизни, так и в литературе. Ю. С. Степанов, репрезентируя категорию ‘Свой – Чужой’, отмечает противопоставление, которое “в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения... Принцип “Свой” – “Чужие” разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы... религиозные секты, сексуальные меньшинства и т. д. И уже вполне концептуально и концептуализированно он отличает “свой народ” от “не своего”, “другого”, “чужого” [6, с. 126]. Ученый считает, что определяющим динамическим признаком этноса выступает совпадение стереотипа поведения. Подтвер-

У сотрудника СБП изменилось лицо, но ничего не сказал, наверное даже не понял.))
(ГКРМ, ЖЖ: dantealigeri).

ждение этому можно найти, например, как в художественных, так и в публицистических текстах Н. С. Лескова.

В контексте рассказа “Левша” данный стереотип представлен рядом важнейших постулатов жизни русских людей – православной верой, патриотизмом, трудолюбием, талантом и др.

Категория ‘Свой’ в тексте частотно вербализуется посредством антонимических коррелятов по отношению к иному, нередко чуждому русскому человеку, например: *Наша наука простая: но Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем* [4].

Здесь антонимическую парадигму создают субстантивы *Псалтирь*, *Полусонник*, которым противопоставлена составная единица *арифметики мы нимало не знаем*. Лексемы *Псалтирь*, *Полусонник* в имплицитале содержат компоненты неконкретности, оторванности от жизненных реалий, тем более от профессиональной сферы; см.: *Псалтирь* – “книга, приписываемая св. царю и пророку Давиду... евреи и сам Давид пели свои песнопения во славу Бога, творившаго им и отцам их дивная и высокая” [2, с. 522]; *Полусонник* – “книга, толкующая сны, снотолковник или загадник снов” [1, т. 4, с. 453]. В наиболее обобщенном виде смысловое наполнение каждого члена антонимической парадигмы можно обозначить как “книга без специальных научных сведений”. С одной стороны, безусловно, отсутствие образования – это показатель отсталости от других, однако через своего героя Лесков транслирует демонстрацию того, что научные знания не определяют мастерство, а значит, главное не это: *...спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные*.

В данном контексте противопоставленность выражена на уровне словосочетаний (*в науках не зашлись / своему отечеству верно преданные*). По компонентному составу данные структурные единицы не могут быть противопоставлены, т.к. не имеют интегральных сем, кроме того, входят в различные ТТГ. Однако в этой паре контраст создается на уровне этносоциальных составляющих, т. е. преданность родине ставится значительно выше знаний, которые эта родина для ее же блага и процветания не может дать трудящимся, да и не желает дать, что демонстрирует следующий контекст с доминантной темой бедности: *Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши*.

В данном контексте повтор корня *бедн-* в паре *бедный / бедность* высвечивает как нищету мастеровых, так и их желание служить родине всеми силами (*у нас так глаз пристрелявши*), кроме того, демонстрируется своеобразная удача русского человека, бравирующего своими вынужденными способностями. Автор показывает: не имея специальных приборов, тульские мастера сделали *посрамительную для английской нации работу*.

Здесь посредством сравнения русских с англичанами выражена противопоставленность русских и других европейских народов.

В тексте показана разница бытового и нравственного характера русских и европейцев (последних конкретизируют англичане). И разница существенная, проступающая при пребывании на чужой земле. Левша замечает каждую деталь, которая свидетельствует о том, что отношение к рабочим у англичан лучше, чем у русских: *Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, – на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит.*

Посредством антонимических парадигм в контексте показана разница между англичанами и русскими в организации рабочего места, особенностей профессиональной деятельности.

Н. С. Лесков отмечает явные преимущества европейцев перед русскими в форменной одежде (внешнем виде), что свидетельствует о заботе работодателей и внимании к мастерам. Здесь антонимия имеет яркую экспликацию (*Всякий работник одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет*). Контекст показывает, что героем произведения отмечены особенности форменной одежды англичан, о которой у русских нет даже четкого представления. Эта разновидность спецовки обозначена словосочетанием *способный тужурный жилет*, антонимом к которому выступает существительное *обрывки*. – “оторванные части” [1, т. 2, с. 1015].

В контексте *всякий работник ...обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть* дана антонимическая парадигма с отсутствующим вторым коррелятом. Здесь антонимия материально не выражена, оконтурена описательным выражением (*чтобы нигде ноги ни на что не напороть*), которое говорит о назначении специальной обуви, быстро понятом русским человеком, не имеющим, судя по контексту, ничего подобного; не исключено, что мастера ходили босиком, о чем на фоновом уровне сигнализирует глагол *напороть* – “наткнуться на что-то, поранить” [1, т. 2, с. 735]. Левше, да и другим, по всей видимости, не раз приходилось травмировать ноги, поскольку обувь была непригодной для работы, либо обуви не было вовсе. Незнание героем названия для увиденной им обуви отмечено описательной конструкцией посредством оказациональной синтагматики (*толстые щиглеты с железными набалдашниками*).

Разница между русскими и англичанами наблюдается и в оформлении рабочего места (*Перед каждым на виду висит долбница умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, – на долбницу смотрит и с понятием сверяет*). Герой только в Англии узнает назначение данных предметов, что фиксируют авторские неологизмы контаминированного типа, например, *долбница* (от “долбить” и “таблица”), а также *стирабельная* (“предназначенная для стирания”).

Противоположность двух миров по данному критерию материально не выражена, т.к. ничего, что можно было бы противопоставить англичанам, у русских не было. Таким образом, на имплицитном уровне следует структурировать антонимическую парадигму (*долбница умножения, стирабельная дощечка – ничего*). Названные выше гипонимы представляют текстовую тематическую группу (ТГГ) “средства, обеспечивающие процесс производства”, которая формирует контекстную оппозицию, не типичную для системы языка.

Сам процесс работы обозначен авторскими антонимами *бойло – обучение: ...работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия*. Герой рассказа отмечает значимость обучения для работника через словосочетание *имеет себе понятия*, т. е. с пониманием того, что он делает. Таким образом, показана значимость обучения, а не наития в работе.

Героем отмечено и то, что работники пребывают в *сытости* в отличие от мастеровых России, вынужденных во многом себе отказывать по причине бедности.

Философ и публицист И. А. Ильин говорил, что при сопоставлении своего и чужого наиболее показательнее проявляется своеобычность народа; например, когда русские попадают за границу, каждый имеет “полную возможность убедиться на опыте в том, что другие народы имеют иной, отличный от нас бытовой и духовный уклад; мы испытываем это на каждом шагу и с трудом привыкаем к этому ...всегда испытываем их инородность и начинаем томиться и тосковать по “родине”. Это объясняется самобытностью нашего бытового и духовного уклада” [3, с. 128].

В цикле очерков “Русское общество в Париже”, созданном значительно раньше труда И. А. Ильина (первая редакция очерков – 1863 г.), Н. С. Лесков через отображение восприятия самых бесправных русских (прислуги) показывает разительные отличия как бытового, так и морального уклада жизни соотечественников и иностранцев. Детализированные зарисовки публициста позволяют сделать однозначный вывод: бытовые условия в Европе выигрывают в сравнении с российскими, уровень жизни простолюдинов в Париже, например, выше, чем в любом городе России. Национальные особенности проявляются в показе и оценке героями очерков специфического устройства быта французов и через раскрытие автором нравственных составляющих характеров. Естественная реакция чело-

века, впервые выезжающего из своей страны, – его интерес к каждой мелочи, что обозначено в очерках серией вопросов: *как за границей едят? да как спят? как одеваются? как моются? и тому подобное.*

Этнокультурный подход к изучению текстов требует выделения единиц, отражающих эту составляющую в языковой картине мира их автора, т. к. важно направить внимание общественности на существование проблем в народном быту, причем в различных сословных группах. Значение слова *быт* определяется как “уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры. ...Складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности” [5]. Н. С. Лескова это заставляет задуматься о возможности приближения России к цивилизационным достижениям Запада, о чем он неоднократно писал в статьях бытовой направленности, а героев его очерков и новелл – осознать униженность своего положения, неудовлетворенность жизнью, бесперспективность и безысходность будущего. Полезным и привлекательным для русского простолодыня представляется то, что квалифицируется им применительно к чужому как ‘удобное’, ‘человеческое’, что следует ‘беречь’, ‘ценить’.

Так, русских простолодынь слуг больше, чем бытовые условия, беспокоит отношение господина к прислуге.

Но вот слуга-турист приезжает в самую столицу Франции <...> видит, что особая коммюна для каждого слуги здесь не только не считается роскошью, но тут даже немисливо иметь слугу без предоставления ему удобного человеческого помещения. Он видит, что не только всякий лакей, горничная или нянька, а каждый поденный работник, грабарь и мусорщик, идучи на работу, не только напьется кофе, но и непременно выпьет стакан абсента, за обедом опять выпьет полбутылки, а то так и целую бутылку вина, а вечером опять абсента.

Н. С. Лесков оппозицию *французские – русские* (работники) представит антонимическими коррелятами в имплицитной зоне проявления русского. В разграничении национальных особенностей русских и европейцев проявляется солидарность публициста с отечественными философами (И. А. Ильиным, Н. А. Бердяевым, М. О. Меньшиковым, Н. Я. Данилевским и др.).

Итак, в постижении *русского* Н. С. Лесков прежде всего стремился к достоверности. Русский характер писатель постигал во всем многообразии, стараясь выявить и положительные, и отрицательные стороны.

Но главным для Н. С. Лескова всегда оставалось стремление к правде и верность добру как в жизни, так и в творчестве. Эти две основные константы русского менталитета явно или скрыто присутствуют во всех произведениях писателя. Для него это некий высоконравственный эталон, к которому необходимо стремиться. Отсюда и выразителями лучших русских качеств становятся духовно богатые, глубоко нравственные, праведные, спокойные и одаренные талантом люди, которые всей душой “верно преданные своему отечеству”. Использование антонимических конструкций создает яркую стилистическую и семантическую емкость, при этом становятся выпуклыми и значимыми и боль писателя, и гордость за непреходящие ценности и за то, что всегда дает человеку силу, стойкость и мужество.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Terra – TERRA, 1995. – Т. 1 : А–З. – 699 с., Т. 2 : И–О. – 779 с., Т. 3 : П. – 555 с., Т. 4 : Р–Я. – 683 с. (в тексте – ТСД).
2. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2002. – 1120 с. (в тексте – ПЦСС).
3. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Русская книга, 1993 – Т. 1. – 480 с.
4. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Н. С. Лесков. – М. : Terra, 1996 – прод. – Т. 1. – 910 с., Т. 2. – 990 с., Т. 3. – 799 с., Т. 5. – 830 с., Т. 7. – 800 с.
5. Общий толковый словарь русского языка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolslovar.ru/>. – Дата доступа: 12.02.2016.
6. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

Юлія Гурская

АДЭТНАНІМІЧНЫЯ ПРОЗВІШЧЫ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ МОЎНЫХ І КУЛЬТУРНЫХ КАНТАКТАЎ ЖЫХАРОЎ ВКЛ

Адэтаніміччыя прозвішчы шырока адлюстраваны ў помніках пісьменнасці ВКЛ і дыялектах балтыйскіх і славянскіх моў. Актуальнай застаецца інвентарызацыя рассяяных у прасторы і ў часе балтыйскіх этнонімаў у славянскай анамастыцы [7, с. 146], якія з’яўляюцца найкаштоўнейшай крыніцай для дыялекталогіі і этналінгвістыкі.

Асобную групу складаюць прозвішчы, утвораныя пераважна шляхам метафарычнага пераносу ад этнічных мянушак, якія ўжываліся на землях ВКЛ. Гэтыя антрапанімічныя адзінкі (якія вывучаны значна менш у параўнанні з іншымі групамі адэтанімічных прозвішчаў) можна класіфікаваць па наступных дыферэнцыяльных прыкметах:

– намінацыя паводле асаблівасцей маўлення: бел. *Кукуць*; літ. прозвішча *Kukùtis* < *kukutis* ‘удод’ [13, р. 1111]; перан. “мянушка селяніна, які размаўляе па-літоўску, незразумела” [11, s. 155]; бел. *Гервель*; польск. *Andruk Gerwielis* 1573; *Gierwa* 1565 [10, s. 94–95]; пар. літ. прозвішчы